

**Ethnic issues in the rhetoric of Russian monarchists of the early XX century
(on materials of oral public statements by V. M. Purishkevich)**

Matveev A.¹, Igumnova M.²

**Этническая проблематика в риторике русских монархистов начала XX века
(по материалам устных публичных выступлений В. М. Пуришкевича)**

Матвеев А. В.¹, Игумнова М. В.²

¹Матвеев Александр Валерьевич / Matveev Aleksandr – доцент,
кафедра теории, истории культуры и этнологии;

²Игумнова Мария Владимировна / Igumnova Maria – студент,
отделение культурологии, факультет иностранных языков, культур и искусств,
Вологодский государственный университет, г. Вологда

Аннотация: в статье анализируется этническая проблематика в риторике русских монархистов на основе думских речей В. М. Пуришкевича. Выявляются ведущие этнические идеологемы - «русский народ» и «враг». Определяется содержание этих идеологем.

Abstract: the article analyzes the ethnic problems in the rhetoric of Russian monarchists on the basis of the Duma speeches V. M. Purishkevich. The major ethnic ideologies - "Russian people" and "the enemy" are identified. It determines the content of these ideologies.

Ключевые слова: русская идентичность, этничность, идеологема, образ врага, Пуришкевич, Государственная дума Российской империи.

Keywords: russian identity, ethnicity, ideologem image of the enemy, Purishkevich, the State Duma of the Russian Empire.

В эпоху сложных политических, экономических и общественных перемен в России рубежа XIX – XX вв. государство в целях общественной мобилизации и сплочения становится ведущим актором русского этнического дискурса. Инструментами актуализации русскости являлись система образования, церковная организация, периодическая печать. Активными участниками политической жизни страны становятся представители общественных и партийных организаций правого монархического и националистического характера. В начале XX века русский политический национализм входит в институциональное политическое поле, получает легитимный статус. Площадками деятельности националистов являлись представительные органы власти разного уровня, прежде всего - Государственная дума Российской империи.

Этническая проблематика в идеологии монархических партий занимала одну из ключевых позиций. В ее контексте появлялся целый ряд идеологем, призванных актуализировать русскую этничность, обострить этно-национальные чувства русского населения империи. Ярким лидером монархистов являлся В. М. Пуришкевич - харизматичный политик, депутат Государственной думы II-IV созывов. «Политический юридивый», «подлый шут», «профессиональный скандалист» и «политический хулиган», маргинал в публичной политике своего времени. Тем не менее, политик был популярен в народной среде. Пуришкевич - одна из ключевых фигур русского националистического дискурса начала XX века [1].

Сохранилось значительное количество текстовых материалов, зафиксировавших публичную речь Пуришкевича. Прежде всего, это стенограммы выступлений политика на заседаниях Государственной думы. Благодаря регулярности появления и большому количеству их тексты удобны для анализа. Для проведения исследования было отобрано 103 выступления, тексты которых содержали этнически маркированную информацию – названия этносов, стран, территорий, связанных с русским или другими народами, упоминания «народа», «нации», «народности», «национальности» и т.д. Решено было не обращаться к выступлениям, появившимся после начала Первой мировой войны, закономерно снисвелировавшей идеологические установки и усилившей этнонациональную и патриотическую риторику всех политиков.

В думской риторике Пуришкевича слово «русский» редко применялось в качестве самостоятельного существительного-этнима. Как правило, категория употреблялась в виде прилагательных в составе словосочетаний, характеризуя какое-либо явление или предмет, и прежде всего - русскую этническую и национальную общность. Так, словосочетание «русский народ» имело расплывчатое значение от обозначения национальной (гражданской) общности и общности, обладающей этническими и антропологическими качествами («*Неужели же русский народ, принадлежащий к славянской расе – женственной, мягкой, гуманной, способен мириться с применением столь сильных мер наказания в обычную пору?*»), до широких слоев русского общества («*Целью моей поправки было представить в глазах русского общества, в глазах русского народа до чего, до какого абсурда доходит*

Государственная дума в своем желании захватить в руки русскую школу и парализовать влияние в ней православных священников и верноподданных царских слуг») [3, с. 380; 4, с. 1409].

Этническая составляющая «русского» фиксировалась сочетанием со словом «народность». Именно «народность» используется по отношению к иным этносам, населяющим Российскую Империю на правах завоеванных русскими и находящимся на более низкой ступени общественного и политического развития: «...польская народность, одна из передовых народностей России, одна из наиболее просвещенных, устранилась от решения этого вопроса, потому что не имеет автономии и своего сейма...», «Посмотрите, господа, не преследуется ли там сейчас та народность, которая всегда оказывалась верной русской державе, не душатся, не гнетутся ли лучшие на окраине верноподданные русского Царя – мусульмане...» [3, с. 1532, 7, с. 2422]. По отношению к русским термин «народность» часто использовался при актуализации охранительной риторики, когда указывалось на опасность уничтожения исконных русских этнических качеств: «Учреждения в роде лиги образования, вся деятельность которой направлена к растлению народного духа, должны находиться под самым строгим правительственным надзором <...> ибо мы не можем терпеть того, что делается сейчас, ибо через 10-15 лет у нас будет революция. Неужели мы, посланные сюда народом через эти стены, борясь за русскую народность, борясь за русский идеал, должны сказать Государю своему “Ave, Caesar, morituri te salutant”» [5, с. 2424].

Нейтральным понятием «русское общество» чаще всего обозначалось лишь население России: «...поднят был вопрос о том, к чему должно стремиться русское общество для того, чтобы поставить дело народного образования и воспитания народного на должную высоту», «...тогда было отсутствие политических партий, русское общество делилось на крепостников только и некрепостников...», «Правительственная власть не имеет права спать и русское общество должно со своей стороны проявить инициативу для того, чтобы это движение, которое имеет жизнь с 1905 г. по 1914 г., 9 лет, чтобы это движение не разрасталось», «Как русское общество было напряжено, с каким вниманием следили все слои его за тем переходом великой эскадры, который делал адмирал Рожественский» [8, с. 2630; 10, с. 1276; 8, с. 1385; 15, с. 1192].

Еще одно слово-понятие для обозначения совокупности русских - «люди»: «Одумайтесь, господа, долг присяги, голос чести зовет вас к тому, чего мы просим, на чем настаиваем, чего требуем как русские люди», «А между тем и там живут они, повелевают и богатеют за счет тех стран, которыми владеют в данное время, и только мы, русские люди, способные все претерпеть, как история показала, только мы не можем выжить в этой стране, которая рисуется нам как что-то ужасное, что-то холодное, русскому чувству и русскому телу не подходящее, и потому мы требуем оттуда изгнания нашего», «Но это был бы откуп от государства; между тем как мы, русские люди, как показали цифры, приведенные Замысловским, мы, русские люди, очевидно считаем за честь защищать родину и служить в рядах русской армии» [6, с. 156; 7, с. 2158]. Отдельный представитель «русских людей» - «русский человек», индивидуальный носитель групповых этнических и гражданских качеств: «Одни явились сюда движимые оскорбленным чувством русского патриотизма, оскорбленным с момента Цусимы, которую они не забыли и которую русский человек никогда не забудет, пока он останется русским», «Между тем, мы должны считаться с психологией русского человека, ибо профессорами наших университетов является в настоящее время, конечно, русский человек, а русский человек ленив в этом отношении. Он пишет один труд, напишет тахтит два труда и читает лекции из года в год об одном и том же господам студентам» [9, с. 3812; 16, с. 1126].

Русский народ наделялся набором конкретных «свойств, характеристик»: «мощный», «лучший», «мирный», «простой», «славный», «благородный», «честный», иногда «ленивый». Но гораздо чаще употреблялись очень расплывчатые по своему значению метафорические характеристики. В риторике Пуришкевича русский народ, как реальный человек, обретал набор духовных черт («русская совесть», «русский дух», «русское чувство», «русский ум», «русское чутье», «русские идеалы», «русская воля», «русские потребности», «русские понятия», «русские интересы») и физических характеристик («русская кровь», «русское сердце», «русские силы», «русский организм», «русское тело», «русская мощь»). Общая совокупность русских этнических ценностей, черт или устоев обозначалась у оратора целым набором метафорических конструкций: «русские основы», «русские черты», «русская жизнь», «русский строй», «исконные русские ...», «вековые русские ...», «коренные русские...», «истинно русский». От сохранения характеристик зависело «русское имя», «русская слава», «русское достоинство» и «русский престиж».

В контексте риторики Пуришкевича русский народ имел характер надэтнической общности - нации, находящейся во всей полноте политических, экономических, социальных, культурных взаимоотношений. Русская государственность, а также ряд сложившихся культурных устоев, - неотъемлемая черта русскости. При этом русский этнос является ключевым для русского согражданства, в его орбите находятся другие народности Российской Империи. Даже рассуждая об окраинных территориях Российской Империи, оратор не забывал напомнить об истории их присоединения и особом

(но часто ущемленном) положении на них русского народа как народа-завоевателя: *«В то время когда финляндцы наполняют Россию, служат и получают места, права русских граждан в Финляндии ничем не ограждены, и мы можем видеть картину “Наших изгоняют”, картину Трутнева в “Новом Времени”, картину горькой и обидной действительности, как оттуда вышибают палкой и помелом русского человека, завоевавшего Финляндию»* [8, с. 2422].

Особенностью риторики Пуришкевича является постоянное обращение к этнической тематике. В большинстве решаемых думой вопросов, по поводу которых выступает депутат, Пуришкевич находит этнонациональный аспект, рассматривает эти вопросы сквозь призму русскости. В целом соображения Пуришкевича по поводу русских соответствовали сложившимся к началу XX века научным и идеологическим представлениям о русском народе, хотя в отличие от общеидеологической официальной риторики оратор достаточно редко обращался к историческому, религиозному, военному, территориальному аспектам русскости. В особенности русскость актуализировалась в ходе рассуждений о проблемах образования и воспитания, литературы, науки и театра. Рассуждения политика по вопросам инородческого населения страны, прежде всего поляков, финнов и евреев, а также взаимоотношений между сословиями (чаще всего упоминались крестьяне и интеллигенция) также заставляли депутата обращаться к риторике русскости.

Семантическое пространство категории «русский» охватывало сферы политической, экономической, социокультурной жизни русского народа как этноса и согражданства. Характер складывающихся в ходе этой деятельности взаимоотношений неодинаков. Положительная или нейтральная «деятельность» русского народа не являлась основной. Чаще всего Пуришкевич говорил о негативной деятельности по отношению к русскому народу или негативных последствиях этой деятельности. Негативные действия против русского народа выражались словами «топить», «избивать», «оскорблять», «заплевывать», «ссорить», «захватывать», «унижать», «развращать», «расшатывать», «попирать», «посягать», «смеяться», «дискредитировать», «разлагать», «глумиться»: *«Позволительно спросить, почему же русские люди гонятся и почему же люди, которым ненавистно все русское и которые топят это русское и унижают русское имя, находят себе место на Кавказе»; «Вот, господа, в силу этого одного только соображения я не могу допустить не только возможности отмены смертной казни, но нахожу, что всякого рода предложения подобного рода, откуда раздающиеся, это есть глумление над русской совестью, над совестью русского народа»* [4, с. 2552; 3, с. 384].

Состояние русского народа описывалось словами: «настрадавшийся», «исстрадавшийся», «вымирает», «разлагаться», «терпеть», «развал», «падение», «ущерб», «подвергаться», «гибнуть», «переживать», «оскорбленный», «измельчать»: *«...эта поправка, которая направлена к тому, чтобы революционная волна захватила русскую школу, пострадавшую сейчас нашу русскую государственность, настрадавшийся русский народ, пострадавший благодаря революционной волне, не смытой еще с 1905 г.»*, *«Да, они правы, они добьются конечного результата, если мы будем продолжать встречать улыбкой, насмешкой или осуждением слова тех, кто выступает в защиту народного духа и не считает возможным допустить разложение русского народа путем захвата левыми силами русской народной школы. Что тогда, когда мы утратим русскую народную душу, порвем с традициями прошлого русского народа»* [13, с. 1404; 14, с. 1109].

Ведущей речевой стратегией Пуришкевича была стратегия охранительная. В ее основе – агрессивная риторика ущемления русского народа и формирования образа внешнего и внутреннего врага. Образ врага формировался с позиции понимания русских как титульного народа Российской империи, носителя православных традиций, народа-государственника и завоевателя, имеющего большее количество прав и преимуществ чем иные этносы в стране. С этой позиции враг несет угрозу целостности России, русскому самодержавию и культуре, «духу» и «душе» русского народа. В риторике Пуришкевича достаточно четко выделялись два типа врага - внешний и внутренний.

Внешний враг - Запад (реже - Восток). Образ внешнего врага складывался из противоборствующих великой державе России народов и государств в настоящем, прошлом и будущем: *«Когда нам говорят, что нам грозят враги с востока, враги с запада, враги с севера, враги с юга,—мне опять-таки не страшно, ибо я убежден, что чувство национального и чувство патриотизма настолько развиты в русском народе, в простом русском народе <...> что мы справимся с самым сильным наружным врагом, охраним Россию и отстоим ее вековые, исконные устои»* [11, с. 3051-3052]. Внешний враг - достаточно далекий враг. В своих речах Пуришкевич не конкретизирует его содержание. Априори предполагается, что оно понятно слушателям политика. Внешний враг лишь задает «горизонт» понимания происходящего в стране и в народе, является фоном, иллюстрирующим актуализируемую политиком проблему. При этом подчеркивается чуждость и инаковость Запада, к коей стремятся внутренние враги русского народа: *«Нет, рука Всевышнего ограждала русский народ от начала гибели России, и тогда увлечение формами чуждого нам западного строя исчезало один за другим, не оживая при смене новых поколений», «Господа, не подложить ни малейшему сомнению то, что среди вас, среди членов партии народной свободы, есть мечтатели, <...> но не подлежит также ни малейшему сомнению, что для*

всякого из нас, кто глубоко вникнет в ваши задачи, в ваши взгляды, они пахнут, <...> той идеей национального самоотречения, <...> которое не признавало исторического развития русской мысли и русской государственности, которое страдало недоверием ко всему русскому, и вечно клонило, кивало на запад, полагая, что только оттуда можно почерпнуть и силу, и знание, и ум, и государственные формы государственных учреждений» [6, с. 153, 378].

Большая часть риторики Пуришкевича посвящена врагу внутреннему - подданным Российской империи, действующим против русского народа и государственной власти. Внутренний враг скрыт от широких глаз, невидим на первый взгляд, близок. Его задача подорвать этнонациональные устои изнутри, чтобы помочь внешнему врагу. Значительная часть риторики внутреннего врага была посвящена отдельным группам инородческого населения Российской империи - евреям, полякам, армянам, грузинам, финнам: «Разве это все не грозные симптомы в тот момент, когда разыгрываются внешние события, которые заставят всю силу правительственного ума и правительственной энергии обратить на борьбу с внешним врагом, а в это же самое время мы будем свидетелями того, как враг внутренний станет подкапываться тут у нас, и на Украине, и в Финляндии, и в Польше, и на Кавказе, под наши государственные устои с целью парализовать возможность победы русского оружия, как это было в 1906 г.?» [18, с. 298]. Опасность у Пуришкевича представляли не только инородцы, но и иноверцы. При этом иные христианские конфессии вызывали у депутата большее неприятие, нежели иные религии. Так магометанское население империи относилось депутатом к числу «дружественных», когда католики (особенно поляки) часто обвинялись им в стремлении окатоличивания православного населения на западе страны («Вооруженное знаниями, вооруженное средствами это духовенство окатоличивает население, но мало того, что окатоличивает, мы не должны закрывать глаза, что стремление окатоличить население ведет, несомненно, к его ополячению») [5, с. 2097].

Главным критерием отнесения инородческого населения к группе врагов становились сепаратистские настроения, угрожавшие территориальной целостности Российской империи: «Разве можно говорить о лояльности Кавказа, когда армяне только ждут момента возникновения внешних осложнений, армяне, живущие идеей великого армянского царства, что воспевается их молодежью в воинственных песнях? Куда ни обратитесь вы, везде видите расиатанность русской власти, везде вы видите сепаратистические тенденции инородцев, везде одно желание инородцев втянуть Россию во ввения осложнения, дабы в минуту этих осложнений воспользоваться ими: к внешней смуте прибавить смуту внутреннюю, новую, может быть, более жестокую и тяжелую, чем ту, что мы перенесли в 1905 г.», «Гг., Мицкевич в «Пан Тадеуше» указал на то, что постоянное обычное положение для поляков — это быть в положении постоянного заговора. Не подлежит ни малейшему сомнению, что теперешние поляки унаследовали те принципы, которые проводились их предками и которые указаны были в «Пан Тадеуше» Мицкевича» [18, с. 2771]. Особенно часто обвинения в сепаратизме были направлены в сторону поляков, армян и финнов. В этом же контексте политик упоминал грузин, татар и даже малороссов. Особое отношение у Пуришкевича было к еврейскому населению империи. В отличие от остальных инородцев, корнем опасности которых были развивавшиеся в их среде сепаратистские тенденции, невероятная степень опасности, коей наделялись Пуришкевичем евреи, с трудом объясняется рационально. В риторике депутата евреи сочетали черты внешнего и внутреннего врага (в силу «мирового еврейского заговора»), могли становиться причиной внешней угрозы, превращались в корень множества внутренних проблем России экономического, политического, социального и культурного характера.

В характеристике внутреннего врага Пуришкевич не ограничивался лишь инородческими группами. Левые партии и их представители, депутаты Государственной Думы, - самые «близкие» внутренние враги, которые постоянно обвинялись в антигосударственной, а значит и в антирусской деятельности. Левые близки евреям и часто в риторике Пуришкевича они действуют заодно: «<...> левые, зная, что создается академическая корпорация с целью вернуть институт науке,— во главе коалиционного комитета стоят преимущественно левые и евреи— стали лишать их всяких пособий» [5, с. 817]. Левые и евреи обвиняются в похожих целях - в разрушении внутренних русских устоев русских, а также в том, что левые сами часто являются евреями. В целом же, в рамках законотворческой работы Пуришкевич отвергал участие в решении «чисто русских» вопросов любых депутатов-инородцев («...когда мы знаем, что в решении вопросов духовных, в решении вопросов церковных принимают участие гг. Чхеидзе, Гегечкори и все остальные, иже с ними, для которых развал русской церкви, знаменующий развал мощи русского духа, составляет основу их желаний то для нас, правых, постановления и пожелания бюджетной комиссии <...> в которую входят лица различных не только, скажу, взглядов, но и исповеданий, авторитетного значения иметь не могут») и иноверцев [3, с. 2094].

Внутренний враг, как самый опасный, приобретал в риторике Пуришкевича вполне осязаемые черты, «выводился из тени», по уровню опасности ставился в один ряд с врагом внешним. Для этого существовал ряд риторических приемов его изображения. Так, в риторике Пуришкевича идеологема «врага» пересекалась с другим важным идеологическим концептом - «революцией», как крушением

всего российского «мироустройства». Именно революция чаще всего объявлялась главной целью деятельности внутренних врагов: «...это будет невыносимейший гнет над русской жизнью и приблизит нас к часу второй революции, гораздо более страшной и опасной, чем та, которую мы пережили, ибо та революция, которую мы пережили, не захватила души народной, ибо не сумели подготовить эту революцию заблаговременно. Но теперь, забрав земские учреждения, забрав местный суд, забравшись в Министерство Юстиции, проникнув повсюду, свои шупальца, разбросав по всей отрасли земской жизни, они [Партия народной свободы - авт.] подготовят нам вторую революцию, и эту революцию мы, не имея ни власти на местах, ни силы, <...> мы с этой революцией никогда не справимся, и они будут торжествовать свою победу ...» [10, с. 1285].

Для увеличения неопределенно общей угрозы существования народа и его государственности, а также других привычных сфер существования, образ внутреннего врага начинает приобретать семантику повсеместного распространения, проникновения во все сферы жизни («засилия») и разложения, уничтожения их: «Сейчас еврейский народ распространился повсюду; везде, во все поры русской жизни проникает еврейское распропагандирование народных масс» [8, с. 1146]. Деятельность внутренних врагов обозначается глаголами «подтачивать», «разлагать», «расшатывать», «захватывать», «глушить», «топтать», «убивать», «растлевать», «развращать». Враг проявляется в таких сферах общественной жизни, как образование, медицина, государственное управление, пресса, литература и даже театр.

Часто Пуришкевич наполнял образ врага семантикой болезни: «Г., вы знаете отношение правых фракций к евреям, но я скажу вам, что в Западном крае для нас, русских националистов и крайних правых, евреи представляются менее опасными, чем сплоченные поляки: еврей стремится к своей наживе и разлагает физически народ. Поляк будет разлагать душу народа. Если еврей является коростой на русском организме, то поляк является его гангреной. Господа, коросту вылечить легче, чем гангрену. От поляка вы не избавите русское население, не избавите от его экономического и духовного гнета» [18, с. 1400]. Получал враг и патологические черты, отличные от «нормы» как русского народа, так и всего общечеловеческого. Так, в связи с делом Бейлиса в 1911 году Пуришкевич выступает в Думе с докладом о ритуальных убийствах у евреев, опираясь на записку князя Голицына середины XIX века и призывая современное «еврейство» доказать, что это не так. Иногда враг наделялся чертами потустороннего, фантастического мира: «...если этот законопроект пройдет, то не торжество русского дела, не торжество русской идеи, не с высоко поднятым русским знаменем будут работать в этом крае. Туда взойдет польский змей, умный, хитрый, сплоченный на горе нам и русскому населению» [12, с. 2831].

Но чаще всего враг просто изображался в сниженном виде, с неприятными подробностями, признаками «ничтожности». В отличие от собственной нормы «честности» враг обладал чертой лицемерия, обмана, «нечестной игры» на бытовом уровне: «Там где открывает русский человек в селе маленькое дело, еврей с двух сторон открывает параллельную торговлю, примеров без счета, и, в конце концов, сбивает цену до тех пор, пока русский не закроет своего магазина, а он, сделавшись монополистом, закабалает в свои руки население» [17, с. 446]. По Пуришкевичу обман проявлялся и в том случае, если враги пытались себя выдать за русских, перенимая определенные их черты: «... когда я вижу, что евреи некрещенные и крещенные — что еще в тысячу раз хуже — захватывает, господа, нашу русскую школу и учат русскую подрастающую молодежь, тогда мне делается страшно за будущее России...». В целом, крещенные иноверцы для депутата были абсолютно неприемлемы: «Мы знаем, что татарин и мусульманин гораздо выше будут стоять, чем татарин, который примет христианство в силу необходимости. Мы желаем видеть всякую нацию такой, как она есть, сильной и представляющей собой воплощение её верований и идеалов, и требуем одного: вы принадлежите к России, проникнитесь же чувством русской государственности» [8, с. 2669-2670].

Таким образом, будучи одной из основных в риторике Пуришкевича, этническая проблематика в основном сводилась к негативному противопоставлению русского народа, как «народа-государственника», и иных этносов, стремящихся к разрушению элементов русскости. Подобная речевая стратегия обуславливалась спецификой политической деятельности Пуришкевича, стоящей перед ним задачей негативной мобилизации слушателей. Тем не менее, ряд этносов закономерно относились оратором к числу дружественных. Сам Пуришкевич отмечал необходимость «различать инородцев двух разрядов». Например, «отличительная черта немца, служит ли он у того или другого государя, он безусловно предан этому государю <...>. Немец действительно за честь, не за страх, а за совесть служит своему государю...» [7, с. 1146]. Именно служение и преданность русской государственности, как основной культурной характеристике русских, становились главным критерием дружественности или враждебности инородцев. Исключения составляли лишь евреи, рассматривавшиеся как непримиримые противники русского народа, что по мнению М. Л. Размолодина объяснялось их иудейским вероисповеданием [2].

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 16-34-01050 «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)».

Литература

1. *Иванов А. А.* «Он был лучше своей репутации...». В. М. Пуришкевич глазами современников. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gusklne.ru/analitika/2005/05/28/on_byl_luchshe_svoej_reputacii/ (дата обращения: 22.04.2016).
2. *Размолодин М. Л.* Имперская проблематика в идеологии черной сотни. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/statii/2011/rzmln100imper.php/> (дата обращения: 22.04.2016).
3. Стенографические отчеты / Гос. дума. Второй созыв. Сессия вторая. Ч. 1. Заседания 1-30. 1907 г. СПб., 1907. 2344 с.
4. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия вторая. Ч. 1: Заседания 1-35. 1908 г. СПб., 1908. 3152 с.
5. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия вторая. Ч. 3. Заседания 71-100. 1909 г. СПб., 1909. 2956 с.
6. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия первая. Ч. 1: Заседания 1-30. 1907-1908 г. СПб., 1908. 2140 с.
7. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия первая. Ч. 2: Заседания 31-60. 1908 г. СПб., 1908. 2962 с.
8. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия первая. Ч. 3. Заседания 61-98. 1908 г. СПб., 1908. 4528 с.
9. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия пятая. Ч. 4: Заседания 120-153. 1912 г. СПб., 1912. 4336 с.
10. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия третья. Ч. 1. Заседания 1-32. 1909 г. СПб., 1910. 3796 с.
11. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия третья. Ч. 2. Заседания 33-64. 1910 г. СПб., 1910. 3166 с.
12. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия третья. Ч. 4. Заседания 95-131. 1910 г. СПб., 1910. 3780 с.
13. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия четвертая. Ч. 1: Заседания 1-38. 1910 г. СПб., 1910-1911. 3368 с.
14. Стенографические отчеты / Гос. дума. Четвертый созыв. Сессия вторая. Ч. 3: Заседания 53-75. 1914 г. СПб., 1914. 2048 с.
15. Стенографические отчеты / Гос. дума. Четвертый созыв. Сессия вторая. Ч. 4: Заседания 76-97. 1914 г. СПб., 1914. 1932 с.
16. Стенографические отчеты / Гос. дума. Четвертый созыв. Сессия вторая. Ч. 5: Заседания 98-111. 1914 г. СПб., 1914. 1396 с.
17. Стенографические отчеты / Гос. дума. Четвертый созыв. Сессия вторая. Ч. 1. Заседания 1-28. 1914 г. СПб., 1914. 2096 с.
18. Стенографические отчеты / Гос. дума. Четвертый созыв. Сессия первая. Ч. 1. Заседания 1-30. 1912-1913 г.г. СПб., 1913. 2438 с.